

# **ВОСТОК**

**ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА**

**КНИГА ТРЕТЬЯ**

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»  
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО  
МОСКВА — 1923 Г. — ПЕТЕРБУРГ**

одностороннему подбору источников оказалось, что основная тема книги «национально-освободительное движение» освещено значительно слабее, чем, например, географические условия. Автор упоминает мелком только арабский конгресс в Париже в 1913 году (стр. 23; имя председателя и здесь фантастично составлено из двух). У него нет ни слова о создании «Лиги арабского отечества» в Париже Неджимом Азури (1905 г.), о тайном комитете аль-Кавакби в Египте (1906 г.), наконец, о «Центральном сирийском комитете» (в Париже) под председательством Шукри Ганима, который играл и играет в современной политике такую важную роль до последних дней, о конгрессе, устроенном этим комитетом в Марсели 3—5 января 1919 года и т. д. и т. д.

Еще больше давних автор мог бы найти по всем интересующим его вопросам в восточной прессе, которая частично доступна в Москве и несмотря на все строгости цензуры (о которых говорит автор—стр. 4) гораздо объективнее отражает факты и настроения, чем вся буржуазная и не буржуазная пресса Европы. Эту литературу автор игнорирует еще больше, чем русскую.

Помимо одностороннего подбора пособий, на работе В. Кряжина очень сильно отражается полная неуверенность автора в своих источниках и отсутствие должного фундамента для критического к ним отношения. Когда речь идет о (до-военной) дневной заработной плате в Киликии (стр. 55), ясно, что дыра в 0,5—3 тур. лир за день (т. е. около 10—60 франков) объясняется каким то недоразумением, которое для автора проходит совершенно бесследно. Когда речь идет о шоссе новых дорог в Палестине (стр. 47), ясно, что между Хайфой и Джебдой (!) дороги быть не может. (Джеда вообще не повезло: едва ли русские читатели узнают ее сразу в городе Неддах, захваченном мекканским шерифом,—стр. 26). Особенно сказывается эта беспомощность в передаче собственных имен или восточных названий; иногда автор благоразумно оставляет передачу латинскими буквами (стр. 75, 107) или снабжает вопросительными знаками мало говорящие ему сочетания (стр. 58), но чаще он действует смело, и тогда мы получаем такие слова как «эквав» (стр. 15 в. авкаф), города «Решайн, Хазбейн» (стр. 32 в. Рашей, Хасбей), «Гацан-Али» (карта Киликии в. Хасан-Али) и т. д. и т. д. Так же плохо он разбирается в административных терминах, упоминая Иерусалимский вилайет (карта Сирии, в. Мутасаррифата) или вилайет Дейр Зор (стр. 83, тоже в. Мутасаррифата). Приложенные карты очень небрежны и кишат искаженными именами: попадают и более крупные погрешности (на карте Сирии отсутствует Ливанский Мутасаррифат).

В результате, немногие новые данные, которые вводит книга В. А. Кряжина впервые в русскую литературу, теряются среди обильных погрешностей и недоразумений. Даже человек, несколько знакомый с предметом, не всегда разбирается в них без труда, а простому читателю и, в частности, учащемуся она сообщает не мало ошибочных сведений. Это особенно печально при бедности русской литературы по затронутым автором вопросам и можно только пожелать, чтобы второй выпуск, обещанный В. А. Кряжиным, был основан не на столь одностороннем материале и составлен более критично, с меньшей небрежностью.

## И. Крачковский

— *Академик профессор В. В. Бартольд.* — История Туркестана. Труды Туркестанского Государственного Университета. Вып. 2. Туркестанское Государственное Издательство. Ташкент. 1922. Стр. 50.

Настоящая книжка представляет конспект лекций, читанных акад. Бартольдом на истор.-фил. факультете Туркестанского Университета в 1920—21 учебном году.

В сжатом, чрезвычайно насыщенном содержанием очерке дан блестящий обзор исторических судеб Туркестана от древнейших времен и по наши дни. Вряд ли надо говорить, на какой научной высоте стоит этот небольшой очерк, написанный не имеющим в настоящее время соперников первоклассным специалистом по истории Средней Азии. Каждая строчка, нередко скупая и лаконичная, покрывает собой глубочайшее проникновение в источники и постижение мастерское их использование. Акад. Бартольду особенно присуще умение на немногих страницах давать деннейшие резюме своих долгих и скрупулезнейших изысканий. Правда, часто невольно досажешь на излишнюю конспективность изложения; исключительный интерес затронутого и в большинстве случаев оригинально поставленного вопроса настойчиво требует больших подробностей, более широкой количественно трактовки.

Отчетливо и ясно характеризует акад. Бартольд миграции и смену культур в Туркестане, осторожно и точно разбираясь в сложных и запутанных контрверсах. Очень удачны страницы, посвященные эпохе саманидов с ее широкой торговой экспансией. Весьма примечательны для сравнительной истории феодализма данные, касающиеся роли землевладельческой аристократии и рыцарской конницы в последующий за саманидами период караханидов. обстоятельно и подробно охарактеризована эпоха монгольских завоеваний — предмет специальных штудий нашего автора. Излишняя на первый взгляд детализация изложения не только не лишает, но, наоборот,

распутывая сложнейший клубок монгольских передвижений, выясняет основы одного из крупнейших явлений мировой истории. Обилие приводимых фактов неизбежно влечет к выводам социологического порядка.

Если века XIV — XVI охарактеризованы все еще достаточно полно, то нельзя того же сказать о временах последующих. Особенно хотелось бы более подробного изображения Туркестана накануне русского завоевания и самого процесса завоевания. Новейший Туркестан, конечно, мог не входить в непосредственную задачу автора. Заканчивает свою книжку автор общим соображением о будущей судьбе русского Туркестана. «Будущность Туркестана, — говорит он, — как великой страны, зависит от того, какое положение будет принадлежать ему в мировой торговле. Торговое значение Туркестана, как капиталистической страны, всецело зависит от развития железнодорожных путей, восстановивших значение сухопутной торговли рядом с морской. Былое значение Туркестана для торговли с Дальним Востоком едва ли когда-нибудь будет восстановлено; мало вероятно, чтобы, рядом с сибирской дорогой, когда-нибудь был создан еще другой рельсовый путь в Китай через Туркестан; но остается еще нерешенным вопрос о будущем европейско-индийском рельсовом пути и о том, какое место в этом железнодорожном сообщении будет принадлежать Туркестану» (стр. 50).

В заключение нельзя не пожалеть, что ценнейшая книжка вышла плохо изданной на далекой окраине. Безусловно необходимо ее новое издание (с картами и, б. м., рисунками), как необходимо и новое издание переведенного теперь на английский язык классического исследования В. В. «Туркестан в эпоху монгольского нашествия».

### И. Бороздин

— *Сборник «Памяти Насырова»*. Казань. 1922. 8° стр. XXIV + 160.

По случаю 20-тилетия со дня смерти Абдул-Кайюма Насырова (1824 — 1902) Академический Центр Наркомпроса Татарской Республики, идя навстречу коммунистическим газетам («Татаристан», «Урал»), образовал комиссию (в составе С. Атнагулова, Губайдулина Газиза, Г. Ибрагимов), которая выпустила сборник, посвященный памяти основоположника просвещения среди татар. К сборнику приложен и эскизный портрет, заштрихованный Османом Арслановым. Редакция надеется недостатки сборника (которые она приписывает «саботажу» части татарской интеллигенции) исправить впоследствии — к недалекому столетию со дня рождения Кайюм-баба.

В сборник вошло восемь статей: 1) Г. Ибрагимов. «Историческое значение Насырова

и др.». Здесь редактор сборника рисует условия, в которых происходил в середине XIX века татарский «ренессанс», и отмечает заслуги представителей буржуазной культуры (муллы Х. Фейз-ханова, сотрудника акад. В. В. Вельяминова-Зернова; историка Ш. Мерджани, К. Насырова и других лиц, младшего поколения). Разрушая устои феодального быта, они пролагали народу новые пути. 2) Г. Рахим — «Биография Насырова» (и по размерам, и по интересу очерк занимает в сборнике центральное место); 3) А. Гаффаров — «Насыров в русской литературе»; 4) Г. Газиз — «Заслуги Насырова, как просветителя народа»; 5) Хаджа Беди — «Заслуги Насырова, как собирателя произведений устной татарской словесности»; 6) Дж. Валидов — «Татарский язык у Валидова»; 7) Г. Газиз — «Научные заслуги Насырова»; 8) Г. Ибрагимов — «На первых ступенях нового литературного татарского языка».

В сборнике представлен и сам Насыров: вторично помещен перевод его статьи «Поверья и обряды казанских татар» (в «Записках И. Р. Геогр. Общества по отд. этногр.», т. VI, был напечатан перевод, исполненный учеником Насырова, П. И. Масловским; оригинал был написан по-татарски, но потом, повидимому, затерялся). Насыров хорошо понимал значение русской культуры и сызмама тянулся к знанию, и это, разумеется, определило высокое качество его культурного подвига. Уже в медресе он тайно изучал русский язык, и за это неслыханное пошество был прогнан из училища. В течение 15-ти лет он преподавал татарский язык в русских духовных школах; работал он и под начальством акад. В. В. Радлова (тогда инспектора иностранных школ Казанского учебного округа), но скоро у них возникли разногласия о методе обучения. Насыров слушал лекции и в Казанском университете. Вращаясь среди русской обстановки, он усвоил и навык к научной работе, и В. В. Григорьев (в предисловии к очерку Насырова в «Записках Геогр. Общества») хвалил «научно-образные» его наблюдения.

За период времени с 1860 г. по 1900 г. Насыров издал 40 сочинений — учебников, словарей, переводных рассказов, сборников и т. д., и везде он преследует цели культурно-просветительные. В словаре («Лехдже и татари», возникшем, как показывает уже заглавие, под воздействием османского филолога, А. Вефика паши, слова иллюстрируются у него народнословесной фразеологией; в календарях (24 выпуска за период с 1871 г. по 1897 г.), на ряду с обычными сведениями, он предлагал материал исторический (в одном выпуске появилась, напр., история России, по Устрялову) народословесный. К народной словесности он питал предрасположение. После Г. Махмудова (составителя «Хресто-